

Myronova, Halyna

[Пачаи, Имре. Ареальные аспекты парных слов в русском языке]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1998, vol. 47, iss. A46, pp. 228-230

ISBN 80-210-1796-1

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100303>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Имре Пачаи: Ареальные аспекты парных слов в русском языке. Ниредьхаза, 1995, 165 с. (ISBN 963 7170 685)

Монография венгерского русиста представляет собой попытку ответить на ряд сложных вопросов общего языкознания (и шире — контактирования многих славянских и неславянских народов), ибо анализу подверглось не только то, что вынесено в заглавие работы, но и комплекс сопутствующих проблем, так или иначе «втянутого» в орбиту изучения.

Усилия исследователя были сосредоточены на таких двух основных направлениях: 1) выявление статуса анализируемых слов (рассмотрение вопроса осуществляется на разных срезах языковой системы: фонетическом, семантическом, фразеологическом); 2) территориально-языковая и социальная закреплённость анализируемых единиц.

Решение поставленных задач преследовало главную цель: выявить «языковые и культурные контакты, формирующие великорусскую культуру и язык великорусского народа» (с. 126).

Значительная ценность работы Имре Пачаи состоит в том, что автор, успешно используя комбинированный сопоставительно-исторический метод (в связи с исторической обусловленностью типологических сходств он может быть назван также историко-типологическим) вплотную подошел к объяснению одного из межъязыковых типологических сходств / расхождений, обусловленных прямыми и опосредованными контактами народов/языков.

Проведенный анализ иллюстрирует возможность использования сопоставительно-исторического метода для определения статуса и происхождения парных слов (в том числе и субстратного), решения некоторых вопросов пространственного (ареального) и хронологического характера, выявления межъязыковых контактов многих народов. Как известно, межъязыковые контакты приводят не только к заимствованию языковых единиц (прежде всего на лексическом уровне языковой системы, в меньшей степени — словообразовательном и фонетическом), но и к возникновению разнообразных семантических заимствований (калек). Отсюда велико значение анализа последних, являющихся по сути исконными, праязыковыми материальными элементами с точки зрения внешнеформальной, но сконструированных согласно семантическому и функциональному своеобразию воздействовавшего языка.

Работа, с точки зрения ее оценки, довольно противоречива. С одной стороны, большой фактический материал, свидетельствующий о стремлении автора глубоко проанализировать объект изучения, отобразить ход исследования, скрупулезно «прорабатывая» отдельные детали, демонстрируя недюжинные способности и наблюдательность (с. 91, 108, 114, 116, 120, 122, 124–125), дискутируя с маститыми исследователями (Л. Н. Засориной, с. 1, 10–11, В. П. Жуковым, с. 30, К. Е. Майгинской, с. 116–117; Н.М. Шанским, с. 120–121), а с другой, обнаруживаем не всегда уместные широкие обобщения, допускаемые им. Так, например, на основе данных об употребительности повторов в русском и украинском языках автор делает заключение о «различии стилистических средств великорусского и украинского фольклора» (с. 79), а ведь несколькими абзацами выше сам утверждал, что «трудно размежевать великорусские и украинские песни, ведь в них наблюдается переход и смешивание мотивов тематики» (с. 78) (см. еще, напр., с. 82, последний абзац). С нашей точки зрения, не следовало бы так прямолинейно утверждать, что выделенный общий деривационный прием, используемый «при обозначении абстрактного понятия ... говорит об общности развития языка и мышления в исследуемом ареале» (с. 105) (ср. хотя бы русский и китайский языки).

Несколько замечаний терминологического характера.

Трудно поддается комментированию использование в авторском тексте терминов *великорусские песни, великорусский фольклор, южнорусский и украинский говоры* (например: «при анализе стилистических признаков языка великорусских народных песен также наблюдается переход южнорусского и украинского говора, отражающийся в фонетическом и семантическом плане», с. 78). А что означает переход в приведенных отрывках?

Не совсем разделяем мы и точку зрения автора о широком использовании терминов М. Алиевой при характеристике редупликации. Нам кажется, что термины *полная и частичная редупликация*, принятые в общем языкознании, корректнее отражают сущность анализируемых явлений и не вызывают недоразумений, как это происходит при использовании дефиниций: 1) неполные тождественные повторы (с. 18) или 2) дивергентные, которые, в принципе, могут быть отнесены к предыдущей группе по своим формальным признакам (с. 19). Сомнения, видимо, позже появились и у самого автора, ибо он решил видоизменить название на «нетождественные повторы» (с. 52).

Недостаточно последователен автор в использовании им же предложенной классификации парных слов по видовым признакам (ср. с. 17, 38–40) и по функции (ср. с. 57 и 111). Так, в раздел «Сочинительные сложения суммирующего типа» (см. также с. 53; до этого термин не фигурировал) отнесены единицы *вверх — вниз, шиворот — навыворот, туда — обратно*, состоящие из компонентов «с противоположным значением», а к синонимическому типу — укр. *шумить — горить* (с. 80).

Не ясно, почему в группу сложений, состоящих «из компонентов с противоположным значением», которые «обозначают неопределенность, приблизительность», были отнесены парные слова *атаманы — молодцы* «чернь» (с. 39).

Думается, что «усиление, выделение какого-нибудь качества или состояния» не является «основной функцией» лишь неполных тождественных повторов, поскольку большинство отнесенных к «полным тождественным повторам» (такие единицы, как: *думал — думал, ходил — ходил, большой — большой, синий — синий, долго-долго*, с. 18) выполняют ту же функциональную нагрузку (см. раздел «Сложение с компонентами-синонимами» (с. 16), да и сам автор утверждает выше: «парным словам, состоящим из синонимов, присуща усиительная функция.» Несколько ниже написано: «Конструкциям тавтологического присуща более простая (? — Г. М.) функция — усиление. Упрощение объясняет тот факт, что значительно меньше внимания уделяется вопросу тавтологических (синонимических) конструкций в трудах, посвященных изучению парных слов в уральских и алтайских языках» (с. 16–17). Откровенно говоря, затруднительно понять, что имел в виду автор в данном случае.

Трудно согласиться и с «наполнением» автором анализируемыми единицами выделенных групп: 1) «абсолютные синонимы» и 2) «синонимы очень близкие друг к другу по значению», где к 1) отнесены, напр., *нож — кинжалыце, молодехонек — зеленехонек*, а ко 2) *драться — ратиться, огонь — пламя* (с. 16). Каковы критерии при распределении слов?

С нашей точки зрения, диалектный характер лексемы не всегда является признаком ее «инородности» в языке, поэтому утверждение автора о том, что если слово включено «в состав диалектизм», то это «свидетельствует о его статусе заимствования...» (с. 83) вызывает сомнение.

Дополнительной «проработки», по нашему мнению, требует сказочный зачин *жил-был* и его варианты в славянских языках (ср., напр., глубоко обоснованное исследование О.Б. Ткаченко «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков», опубликованное не в 1879, как отмечено автором рецензированной работы, а в 1979 году, с. 7).

Не совсем и не всегда понятно, где, когда и кем проводился статистический анализ материала и что имеет в виду автор, говоря о статистических данных (с. 110), «о данных на статистическом уровне» (с. 32), «о значительном количестве» (с. 4) или «...мы пользуемся статистикой» (с. 71), ведь с цифровыми данными мы встречаемся лишь на с. 79 один раз.

При повторном издании анализируемой работы следует устранить ряд досадных стилистических огрехов, приводящих к двусмысленности декларируемого (с. 1, 8, 15, 18, 43, 49, 54, 56, 58, 85, 86, 89, 109, 124 и т.д.). Имеются в виду также: 1) необходимость согласования частей синтаксической конструкции; 2) пропуск слов (например, В. А. Федосов, С. Панько, Б. Татару, Йозеф Драхош названы кандидатами (но чего или куда?), скорее всего, каких-то наук: филологических или исторических, но об этом можно только строить догадки (с. 8–9); 3) некорректность излагаемой мысли (напр., не достаточно корректными, с нашей т.зр., выглядят выражения: «... мы установили неравномерный статус парных слов» (с. 9), «из тюркского» (?) (о происхождении слов) (с. 7); обозначает не «золото» и не «серебро»; а безразлично «дорогую вещь» (с. 12); «не наблюдается основная смена семантического поля» (с. 30); выделилось «преимущество (?) великорусского языка в употреблении изучаемого вида деривации» (с. 86); «результаты» (опубликованного в 1975г., т.е. на 20 лет ранее) исследования Валентина Кипарского «подтверждают нашу инициативу по сравнению конструкций ... « (с. 107); «при трактовке отражения действительности в фольклорных произведениях В. Аникина и В.Я. Проппа на переднем плане стоит...» (с. 85) (подч. нами — Г.М.) (см. еще с. 4, 10, 34, 65, 68, 70, 72, 86, 88, 115, 126). В отдельных случаях наблюдаем неправильный выбор союза (связки) между частями сложного предложения (с. 120, 155 и др.), некорректность словоупотребления (напр., отущение вм. Отсутствие (с. 68), вражеская вм. враждебная (с. 6), решительный вм. решающий (с. 54), процессность вм. процессуальность (с. 57, 59), при оформлении вм. формировании (с. 8), эквиваленция вм. эквивалентность (с. 93), номинальные вм. номинативные, знание вм. значение (с. 108), значительны вм. значимы (с. 84), экспозиция песни вм. композиция песни (с. 51), подтверждает вм. подтверждается (с. 124) и др.

Следовало бы убрать не нужные и не оправданные повторы и тем самым сделать исследование более стройным (с.1, 3, 10, 13, 15, 23, 34, 91 — 92, 103, 106, 117) (см. Ахатов, Жуков, Потенба, Семенас, Майтинская и т.д.).

Несмотря на высказанные замечания, следует еще раз подчеркнуть, что автором выполнен значительный объем работы: самостоятельно собран и глубоко проанализирован впечатляющий материал их разных семей языков; изучению подвергнут славянский фольклор (сказки и песни); для подтверждения некоторых положений автора выборочно исследовались художественные произведения отдельных русских писателей; привлечены результаты анализа парных слов, осуществленные предшественниками.

Столь весомая научно-исследовательская база позволила И. Пачаи прийти к интересным выводам, подтверждающим теорию Н.С. Трубецкого о «красной нити» ареальных связей и существование культурных союзов славянских народов, установленное К. Горалекем.

Указанные недостатки не должны являться препятствием для заинтересованного читателя, каковым может быть тот, кому не чужды вопросы, связанные с преемственностью культурных традиций, семантической типологией, межязыковыми контактами и др.